

ЕГОР БЕРОВЕВ: «У АКТЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ НЕТ ГРАНИЦ»

Егор Бероев родился в 1977 году в актерской семье. Его дед Вадим Бероев — знаменитый "майор Вихрь". Бабушка играла в Театре им. Моссовета, там же служит его мама. Да и жена Егора, Ксения Алферова, тоже актриса.

В детстве Бероев любил рисовать и даже не помышлял об актерской карьере. И все-таки — гены! — он поступил в Театральное училище имени М.С. Щепкина. По окончании учебы его приняли в труппу МХАТа, где он дебютировал в роли Федора Годунова. С тех пор молодой актер сыграл около 15 ролей в театре и более 10 ролей в кино. А в начале 2005 года предстал в образе Эраста Фандорина в самой дорогой и шумной премьере сезона "Турецкий гамбит".

НЕТ ГРАНИЦ»

тел бы жить в 60-е годы прошлого века, кто-то — в Петербурге XIX столетия. У вас нет подобных желаний?

— Я бы хотел побывать — не жить, а перенестись на время с помощью какого-нибудь чуда в Россию начала XX столетия! Хотел

— А любить одну женщину трудно?

— Любовь — это труд, но труд, который возвращает все сполна. И если ты любишь этот труд, то с ним легко жить. Мою женщину любить нетрудно.

— Для многих современных людей гигантское поглощение информации, в том числе и литературного характера, становится проблемой. Информация превращается для них в замкнутое пространство, и они начинают страдать клаустрофобией.

— Я убежден, что литература, как и культура вообще, только расширяет пространство. Дышать становится свободнее. И вот еще что: читая книги, мы не узнаем что-то новое, а подтверждаем те знания, которые уже есть в нас. Я говорю о знаниях и интеллекте, заложенных в нас божественной силой.

— Глубина постижения образа зависит от интеллектуального багажа актера?

— Думаю, что все зависит от внутреннего мира художника. Дело не в том, какое количество информации "сжевано" человеком, а в том, насколько глубоко он способен переварить ее, как много он способен прочувствовать, насколько человек чувствителен к окружающему миру. Нужно уметь читать не столько книги, сколько жизнь и людей. Я стремлюсь к такому существованию. Этому можно научиться. А вот сколько душевных и духовных сил актер способен затратить на роль — зависит от степени таланта, и этому уже нельзя научиться. Когда Евгений Леонов выходил на сцену в "Поминальной молитве", он ведь ничего особенного не делал! Помните? Появлялся на сцене обычный русский мужик в джинсах, надевал на себя жилетку, кепку — и становился евреем! При этом в нем, казалось бы, ничего не менялось. Он просто жил болью своего персонажа. Творческий диапазон актера характеризуется тем, на-

Спектакль «Обыкновенная история».

бы ощутить набоковское время, почувствовать все катаклизмы того периода, "попробовать на вкус" то ощущение России, которое Набоков увез с собой в Америку. Но у меня не было желания родиться в другое время, нежели я родился. Хотя это вовсе не означает, что я человек своего времени. Я не вписываюсь

в рамки современной жизни и не хочу в них вписываться. Сейчас у людей нет идеалов. Все верят только в себя, любимого! Никто не ходит друг к другу в гости, все заняты мыслями о личном обогащении.

«Турецкий гамбит».

скового мироощущения — более емкое... Вот Борис Акунин — настоящий эстет. Ему во всем важна изящная форма. А мне это не важно: мне все равно, во что я одет, гладко ли вышит...

— А руку божьей поможете, не побрезгуете?

— Да запросто. А что в этом страшного или странного?

— Но руки-то потом тщательно помоеете?

— Да, но только потому, что я актер. Я не могу заболеть, например, чесоткой или чахоткой: сорвутся съемки. Вся моя жизнь буквально "заточена" под профессию (лукаво улыбается). Я вот не знаю, чистил бы я зубы, если бы не был актером? Выглядеть хорошо — это требование профессии. Не более того. Если бы мы встретились с вами в деревне, боюсь, вы бы меня не узнали...

— Неужели?

— А вы считаете, что нормально ходить с топором по русской деревне, подчищать хлев за коровой и при этом выглядеть, как Ален Делон?

— Где вам проще играть — в классических или современных пьесах?

— У актерской профессии нет границ. Везде одинаково просто и одинаково тяжело.

— Есть люди, которые чувствуют себя в нашем времени неудобно, и кто-то из них хо-

стовать своему персонажу на все сто процентов?

— Может быть, в чем-то и выпендрож. Но по большому счету мне было интересно ездить под каретой, прыгать на воздушный шар...

— Любите рисковать?

— Думаю, все, что я делал в фильме, — разумный риск. Если мне говорили, что не стоит прыгать с пятого этажа на четвертый, — я не прыгал. Но хотел, было желание рискнуть. Не дали. Пришлось подчиниться.

— Вы из актерской семьи. Не хотелось ли вам порвать с семейной традицией и стать, например, учителем в школе?

— Одно время я хотел быть фотографом. Хотел работать в журнале National Geographic, чтобы ездить по миру и фотографировать людей, пейзажи...

— Вам не хотелось бы стать модным фотографом, как Хельмут Ньютон, например?

— Ни в коем случае! Только фотографом-путешественником.

— Вы не эстет, вам чужды снобизм и утонченные художественные жесты?

— Нет, я слишком грубый для эстета.

— Но вы же любите жить красиво, пить кофе из изящных чашек, окружать себя вещами, которые радуют глаз. Вы ведь не будете сознательно жить в разваленной квартире среди тараканов и мышей?

— Ну, это неизвестно... (Смеется.) Эстетская жизнь — понятие, пришедшее к нам вместе с буржуазными западными ценностями. В новой русской действительности эстет — это человек, который не хочет жить в коммуналке, но хочет жить в хорошей квартире. Хотя, с моей точки зрения, понятие эстет-

— Егор, легко ли вы соглашаетесь на роли, которые вам предлагают в кино?

— Нет. Я сейчас снялся в трех фильмах, которые выбрал из двенадцати предложенных. Если мне предлагают 50-серийный фильм, я даже не читаю сценарий. Такое количество серий не для меня.

— А как вы относитесь к тому, что после выхода картины "Турецкий гамбит" многие зрители кинулись выискивать в ней всевозможные исторические и литературные ошибки?

— По-моему, столь пристрастное отношение публики к "Турецкому гамбиту" — лишнее доказательство популярности картины. Пусть ищут дальше... Главное, что фильм интересный. Его смотрят. А все остальное — вторично. Для меня странно другое: многие критики, посмотрев фильм, почувствовали в себе страстное желание его ругать. Именно ругать, а не критиковать. Мне же кажется, что работа критика заключается в том, чтобы поддерживать хорошее начинание. Да, в фильме Джаника Файзиева есть ошибки — без них невозможно. Но сама картина сделана качественно, и она очень светлая. Это не очередная "чернуха", где лужи крови и бесконечная стрельба ради стрельбы.

— Файзиев как-то оценил вашу работу?

— Он поздравил меня. Но мы с ним не в тех отношениях, чтобы говорить, довольны мы друг другом или нет. Мы — команда. Мы варимся в одном котле.

— Вы ведь сами делаете все трюки?

— Один делал не сам: надо было прыгнуть с пятого этажа на четвертый. Это очень сложный трюк, и его исполнял болгарский каскадер.

— Почему все-таки решили выполнять трюки сами? Выпендрож или желание соответ-

ствовать своему герою. Сколько глубоко он способен почувствовать боль или радость своего героя.

— Вы испытываете эмоциональное перевозбуждение после спектакля?

— Да! Если хороший спектакль — хочется тут же сыграть еще один. Возникает ощущение необыкновенного полета внутри, и это чувство невозможно остановить. Хочется что-то необыкновенное сделать, куда-то свой эмоциональный восторг выплеснуть.

— Многие актеры едут после выступления в ресторан, чтобы снять эмоциональный стресс после концерта или спектакля. А что делаете вы?

— Иногда тоже еду в ресторан. Но чаще — домой, и мы подолгу с Ксюшей разговариваем.

— Вы любите творить ночами или предпочитаете вести нормальную дневную жизнь?

— Я не ночной человек. Я привык рано вставать.

— Ваши коллеги говорят, что вы очень сложный человек. Это так?

— Мне тяжело находить компромиссы с обществом, вписывать себя в его законы. Поэтому я сложен для окружающих. Я не люблю фальши. Если я вижу фальшь, я не могу подыграть ей. Некоторым проще сказать про меня: он не светский человек, он капризный и тяжелый, он не наш. И усугубляет мою отчужденность то, что я обязательно отвечаю на любой укор в свой адрес. Я понимаю, что не надо бы этого делать. Но все равно скажу то, что думаю.

— Часто мы отвечаем на обиды в еще более грубой форме и обижаем людей сильнее, чем они нас.

— Вот поэтому я предпочитаю быть вне тусовок, вне общения с людьми, которым не важно, что у меня внутри. Им куда интереснее, с кем я живу и, простите, какие трусы ношу. Я не из тех, кто целиком и полностью продается: "Вот, берите, покупайте меня, я ведь публичный человек..." Я считаю, что должен держать марку и оставаться человеком. И журналисты обязаны это понимать.

— Что значит "держать марку"?

— Не врать себе и не подчиняться чужим правилам.

По материалам информгентств.